

М.М. Макарицев (Москва)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ИНФОРМАНТЫ:
КОНФЛИКТ ОЖИДАНИЙ
В ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ В АЛБАНИИ

Летом 2014 года в селе Бобоштица (юго-восточная Албания, область Корчи) состоялось лингвистическое интервью, фрагмент которого я хотел бы здесь привести.

Участники: JL – Йоуко Линдстедт (Университет Хельсинки), ЕМ – Эльпи Манчо (род. в 1935 в Бобоштице, правосл., образование среднее специальное, работала учителем албанского языка и литературы в начальной школе, в данный момент на пенсии.)

1. ЕМ: Grjej <u>eden</u> rusin, studj <u>usi</u> ru <u>sin</u> , Maksimi...	ЭМ: Приезжает и один русский, русский исследователь, Максим...
2. JL: Maksim, a, Maksim. Da-da-da.	ЙЛ: Максим, а, Максим. Да-да-да.
3. ЕМ: Go poznavj <u>e</u> te? Go poznavj <u>e</u> te!	ЭМ: Вы его знаете? Вы его знаете!
4. JL: Da, da, jas go poznavam, da.	ЙЛ: Да, да, я его знаю, да.
5. ЕМ: Toj ima stud... ima pisano <u>eden</u> student... studim za Bobošt <u>i</u> ca. To <u>ko</u> ne gu ma bitisano toj studim <u>o</u> . Iti da izvadvi otk <u>o</u> ga... soj mu interes <u>o</u> jva svječk <u>i</u> m, otk <u>o</u> ga se zb <u>or</u> vi soj jazik	ЭМ: Он изуч... написал исследование о Бобоштице. Только он не закончил это исследование. Он хочет узнать, с каких пор... это интересует всех, с каких пор используется этот язык.

(Линдстедт 2014)¹

Этот нарратив Э. Манчо важен для меня, потому что он представляет взгляд изнутри – как информант воспринимает то, чем я занимаюсь в поле. Конечно же, этот взгляд имеет мало общего с моим взглядом извне² – с тем, как я вижу свои научные задачи и задачи своей поле-

¹ Выражаю искреннюю благодарность Йоуко Линдстедту за возможность использовать записанные им материалы.

² Поле – исключительно важный элемент в моей исследовательской деятельности, но для меня оно всегда остается некоторым внешним и отчужденным локусом, к которому я не принадлежу ни по праву рождения, ни по приобретенной идентичности.

вой работы (во всяком случае, я не занимаюсь диахронией), однако это взгляд человека, сложившийся в результате длительного общения со мной и другими исследователями, это взгляд человека, обладающего собственным взглядом на свое сообщество и его место в мире, более того, это взгляд человека, чьи высказывания я как исследователь должен корректно отразить в своих публикациях, дав ему тем самым ‘рупор’ (если попробовать перевести так термин *public voice* – Agger 1991).

В настоящей статье я хотел бы остановиться на вопросе несовпадения и конфликта ожиданий исследователя и информанта, которые могут оказывать влияние на ход полевого исследования.

Мое изучение диалекта Бобоштицы началось в 2010 году со спонтанного визита в село во время поездки в Корчу, крупнейший городской центр юго-восточной Албании. Как и для многих коллег, занимающихся южнославянскими языками, Бобоштица всегда была для меня особым местом, еще со студенческих времен и курсов по введению в славяноведение и в южнославянскую диалектологию: поэтому, узнав, что от центра Корчи до этого села всего семь километров, я решил отправиться туда. Весь материал о Бобоштице в нашей университетской программе восходил к еще довоенной монографии А. Мазона (Mazon 1936), что вместе с многочисленными свидетельствами о *зулумах* против славянского и православного населения и описанием ассимиляции славян албанцами в области албанско-славянского пограничья в конце XIX – начале XX века, почерпнутыми у А.М. Селищева (Селищев 1929/1981; 1931/1981) не оставляло у меня никаких надежд на то, что в Бобоштице я смогу найти славян. Я воспринимал свою поездку как своеобразный визит в место памяти.

Приехав в село и посмотрев его основные достопримечательности (церкви, монастырь св. Марии и шелковичные деревья), я решил зайти в таверну и спросить на всякий случай, не знают ли они кого-нибудь, кто говорит на славянском диалекте. «Конечно, – был ответ, – давай мы тебя к ним отведем».

Так я познакомился с Эльпи. Ее роль в сообществе сложно переоценить: она хранит память об истории села и его традициях, фольклоре и языке (в настоящий момент процесс смены языка почти полностью завершился: на славянском диалекте говорит только пять человек, все из которых старше 70 лет), поэтому во многом она является идеальным ключевым информантом, если использовать ставший традиционным в этнографии термин (Trembaly 1957). В течение семи лет после нашей первой встречи я записывал от Эльпи и других славяноговорящих жителей села, которых она мне представила, продолжительные нарративы

(воспоминания о семейной истории, об истории села, о его традициях и обрядах), работал по опросникам МДАБЯ (прежде всего по этнолингвистической и по синтаксической анкете), использовал другие опросники (например, «Frog where are you») – см. (Макарцев 2015; 2016). Бобоштица стала и удобной площадкой для полевой практики студентов³. У меня сложились уважительные отношения и с местным аромунским населением, хотя с ними я работал очень мало.

Неудивительно, что я привык к мысли, что я знаю село достаточно хорошо, и всё, что мне остается делать – это интенсивно работать с теми из информантов, кто пока еще помнит местный славянский диалект.

В 2015 г. я был в Бобоштице с участниками экспедиции Хельсинкской инициативы по ареальным и языковым исследованиям⁴. Мы шли по одной из улиц села вместе с Эльпи, участники экспедиции задавали ей вопросы на болгарском и македонском языке, а она отвечала на местном диалекте. В этот момент нас кто-то окликнул по-славянски из одного из палисадников. Оказалось, что в этом доме уже больше 30 лет живет македонка из Преспы, которая вышла замуж за одного из албаноговорящих жителей. Она застала многих носителей славянского диалекта, в течение нескольких десятилетий общалась с ними и местный диалект оказал некоторое влияние на ее речь⁵ (диалект Бобоштицы принадлежит к широкой юго-восточной (sic) зоне, которая захватывает восток, юг, и выдвигается далеко на юго-запад македонского диалектного континуума, а диалект Преспы относится к западномакедонскому наречию – Видоески 1998). Я был очень рад найти еще одного носителя славянского диалекта, пусть и не вполне аутентичного для села. В то же время, Эльпи постаралась подчеркнуть, что эта македонка не принадлежит к кругу *djemië e vajzat e Boboshticës* ‘сыновей и дочерей Бобоштицы’ – собственно, поэтому она и не представляла меня ей.

В 2012 г. я разговаривал в Корче с одним сербским преподавателем, который был там на летней школе, и он сказал мне, что ездил в Бобоштицу и встретил там пожилого человека по имени Илия, который говорил с ним по-сербски. Я сказал коллеге, что это, по всей видимости, был Ильо Кунешка (род. 1925), самый пожилой житель села и один из

³ В Бобоштицу регулярно приезжают студенты Международной летней школы по антропологии, этнографии и сопоставительному фольклору Балкан (о летней школе см. Nitsiakos et al. 2008); в 2012, 2014, 2015 и 2016 я сопровождал их во время посещения села.

⁴ Избранные материалы и информация об экспедиции опубликованы в (Makartsev, Wahlström 2016).

⁵ Степень этого влияния еще предстоит установить.

пяти носителей славянского диалекта, но тот настаивал, что разговор происходил именно на сербском языке. Конечно, то, как внешние посетители с Балкан определяют языковую принадлежность тех или иных идиомов – давний и часто больной вопрос, однако я решил уточнить эту информацию у Эльпи. Она заверила меня, что больше в селе никто не говорит на местном славянском диалекте, а тем более по-сербски, и что мой коллега, видимо, встретил Ильо Кунешку. Примерно такую же информацию я получил и от других носителей диалекта, на чем и решил остановиться.

К этой теме я решил вернуться зимой 2016 года, после того, как узнал о македонке. Мы были у Эльпи вместе с Сотиром Дамко, руководителем местного культурного объединения (алб. *shoqatë*) «Kajnas». Сотир не говорит на славянском диалекте, но воспринимает его как часть культурного наследия села; по его инициативе устав культурного объединения «Kajnas» был переведен последними носителями на диалект (Макарцев 2015), и он включил часть записей фольклора села, сделанных Эльпи на диалекте, в рукопись своей книги (Dhamko 2010). Я спросил, кто именно еще говорит в селе по-славянски. Эльпи назвала имена тех людей, с которыми я уже разговаривал. Вместе с Сотиром они вспомнили еще нескольких, к сожалению, уже покойных. Я спросил – а как же тот Илия, который говорит по-сербски? Да, подтвердил Сотир, был такой, сын югославского эмигранта и местной жительницы, который всю жизнь прожил в селе и умер в прошлом году. Значит, я как минимум пять лет мог записывать его воспоминания и мемораты на языке, который наверняка находился под влиянием местного славянского диалекта. Но мы так и не встретились с ним.

Эти два случая заставили меня вернуться к размышлениям о том, что именно я ожидаю от поля, и что именно информанты ожидают от меня. Очевидно, в этом случае я столкнулся с комбинацией двух тактик интерсубъективности (Bucholtz, Hall 2004). Первая из них – *отождествление* (М. Бухольц и К. Холл называют ее *adequation*, что является гибридом двух слов: *adequacy* + *equation*), при котором маркированность по одному из признаков (в данном случае, по общности происхождения) воспринимается как достаточный критерий для отнесения к группе⁶. В моем случае эта тактика скорее имеет положительный результат: так, Эльпи

⁶ М. Бухольц и К. Холл вслед за Дж. и К. Хилл (Hill & Hill 1986: 418) приводят пример языка мексикано (смешанный язык на основе испанского и ацтекского языка науатль): носители мексикано включают молодое поколение, которое уже не говорит на этом языке, в группу, определяемую как «свою».

познакомила меня в том числе и с теми жителями села, которые крайне ограниченно владеют диалектом, поэтому решение, чью именно речь я буду изучать, принадлежало мне. Однако ограничителем этой тактики служит *различение* (*distinction* – там же, 383–384), при котором одному из факторов (в данном случае также происхождению) придается статус эссенциалистского маркера культуры. Поскольку меня интересовал другой фактор – язык, а происхождение информантов имело второстепенное значение, в конфликте наших ожиданий сыграла важную роль именно тактика *различения*.

Литература

- Видоески 1998 – Б. Видоески. Дијалектите на македонскиот јазик. Том 1. Скопје: МАНУ, Фонд Трифун Костовски, 1998.
- Линдстедт 2014 – Й. Линдстедт. Полевые материалы. Бобошtica, 2014. Видео. Из личного архива Й. Линдстедта.
- Макарцев 2015 – М. Makartsev. On official texts in Slavic dialects in the County of Korcha, South-Eastern Albania // *Slavia Meridionalis*, Vol. 15 (2015). P. 149–165. DOI: 10.11649/sm.2015.013
- Макарцев 2016 – М. Makartsev. The Image of Russia and Europe among the Slavic Minority in Boboshtica (District of Korça, Albania) // *Colloquia Balkanica. The Image of Russia in the Balkans* / Ed. Jolanta Sujecka and Krzysztof Usakiewicz. Warszawa: PWN, 2016. P. 153–174.
- Селищев 1929/1981 – А.М. Селищев. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии (с этнографической картой Полога). София: Македонский научный институт, 1929. (репринт: София: Наука и искусство, 1981).
- Селищев 1931/1981 – А.М. Селищев. Славянское население в Албании (с иллюстрациями в тексте и с картой Албании). София: Македонский научный институт, 1931 (репринт: София: Наука и искусство, 1981).
- Agger 1991 – B. Agger. Theorizing the decline of discourse or the decline of theoretical discourse? // Ph. Wexler (ed.). *Critical theory now*. London – New York – Philadelphia: The Falmer Press, 1991. P. 117–144.
- Bucholtz, Hall 2004 – M. Bucholtz, K. Hall. Chapter 16. Language and identity // A. Duranti (ed.). *A companion to linguistic anthropology*. Blackwell, Oxford, Carlton: Blackwell, 2004. P. 369–394. DOI: 10.1002/9780470996522.ch16.
- Dhamko 2010 – S.T. Dhamko. Boboshtica. Historie. (Nje variant.) Boboshtica, 2010 (рукопись).

- Hill & Hill 1986 – *J.H. Hill, K.C. Hill*. Speaking Mexicano: Dynamics of a Syncretic Language in Central Mexico. Tucson: University of Arizona Press, 1986.
- Makartsev, Wahlström 2016 – *M. Makartsev & M. Wahlström* (eds). In search of the center and periphery – linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans. Helsinki: University of Helsinki, 2016. (*Slavica Hel-singiensa* 49.)
- Mazon 1936 – *A. Mazon*. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud. Paris, 1936. (*Bibliothèque d’études Balkaniques* – V)
- Nitsiakos et al. 2008 – *V. Nitsiakos, I. Manos, G. Agelopoulos, A. Angelidou & V. Dalkavoukis* (eds.). Balkan Border Crossings – First Annual of the Konitsa Summer School. Berlin: LIT Verlag, 2008.
- Tremblay 1957 – *M.A. Tremblay*. The key informant technique: A nonethnographic application // *American Anthropologist*, 1957, Vol. 59, Issue 4. P. 688–701. DOI: 10.1525/aa.1957.59.4.02a00100

Институт славяноведения РАН

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС:

ВЗГЛЯД
НА БАЛКАНЫ
ИЗВНЕ и ИЗНУТРИ

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ 14
ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ

Москва, 18–20 апреля 2017 года

Москва 2017

УДК 81
Б 20

Редколлегия:
М.М. Макарец (отв. ред.),
И.А. Седакова, Т.В. Цивьян

**Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы
извне и изнутри. Москва, 18–20 апреля 2017 года. –**
М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – 256 с.
(Балканские чтения 14. Тезисы и материалы.)

ISBN 978-5-7576-0387-2

В оформлении обложки использована
трехмерная мозаика Газанфера Байрама «Гнездо».

На фронтисписе фотография
Татьяны Владимировны Цивьян.
Автор: Клаудис Дрискюс

© Институт славяноведения РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Živela Tatjana

<i>Петя Асенова, С.М. Толстая, Емилија Црвенковска и Газанфер Бајрам, Ф.А. Елоева, А.А. Новик, Е. Федорова, А.В. Жузга, Ronelle Alexander, Dagmar Burkhardt, Владислава Мария Вардиц, С.Б. Ильинская-Александропулу, Е.В. Падучева и А.А. Зализняк, Л.Н. Виноградова, Т.А. Михайлова и Т.А. Михайлова, Zmago Šmitek, И.А. Седакова</i>	11
Tabula gratulatoria	25

АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Н.Н. Казанский (Санкт-Петербург)</i>	
Поэтический текст в священной местности: отсылки к непосредственно наблюдаемому	29
<i>В.Г. Мостовая (Москва)</i>	
Греки и другие народы в лирике Пиндара	33
<i>Т.Ф. Теперик (Москва)</i>	
«Формульное» наследие в поэтике эллинистического эпоса: «Аргонавтика» Аполлония Родосского	35
<i>Л.И. Акимов (Москва)</i>	
Эллада глазами Павсания	40
<i>Я.Л. Забудская (Москва)</i>	
Рецепция аттической трагедии на Сицилии и в Южной Италии	44
<i>А.А. Евдокимова (Москва)</i>	
Функция прохожего в византийских надписях на Балканах	49
<i>Keiko Mitani (Tokyo)</i>	
Slavic versions of the Skanderbeg story: Textual relationship and narrator attitude	52

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: ГРАММАТИКА

<i>Max Wahlström</i> (Helsinki / Zürich)	
A glass of water half full: A typological perspective on the pseudo-partitive construction in the Balkans	59
<i>П.М. Аркадьев</i> (Москва)	
Об одном незамеченном балканизме	62
<i>А.Л. Макарова</i> (Санкт-Петербург)	
Метод анкетирования в типологическом и диалектологическом исследовании (на примере анкеты для изучения <i>esse</i> -перфекта в македонских диалектах)	66
<i>Мотоки Номати</i> (Саппоро)	
О неопределенном артикле <i>idin</i> 'один' в разговорном варианте банатско-болгарского языка и степени его грамматикализации	72

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: ЛЕКСИКА

<i>Петя Асенова</i> (София)	
Взгляд на общепалканскую лексику извне (идентичность означающих) и изнутри (расхождения означаемых)	77
<i>Ronelle Alexander</i> (Berkeley)	
Bulgarian Dialects: The View from Within and Without	91
<i>Уте Дукова</i> (Франкфурт на Майн)	
Бълг. <i>вяра</i> в контекста на оппозицията свой / чужд	95
<i>Анастасия Петрова</i> (Велико-Тырново)	
Наблюдение интерпретатора над динамической сущностью языка: Балканское языковое «видение» <i>ума</i> ...	99
<i>И.А. Седатова</i> (Москва)	
Балканские слова-концепты в Болгарии (<i>мерак</i> и др.): взгляд извне и изнутри	105
<i>М.Г. Обижаева</i> (Москва)	
Словарные заметки в сербских «довуковских» грамматиках как взгляд на «свой» язык	110
<i>О.В. Чёха</i> (Москва)	
Славянизмы в обрядовой терминологии Дарнашских сел	113

<i>Helmut W. Schaller</i> (Marburg)	
Turkish and its influence on Balkan languages:	
The case of Bulgarian	115
<i>С.А. Сиднева</i> (Москва)	
Функции турцизмов в романе Мары Меймариди	
«Колдуньи Смирны»	119
<i>Владислава Вардиц</i> (Потсдам / Иена),	
<i>Кира Задоя</i> (Дюссельдорф)	
К изучению немецких заимствований	
в восточнославянских говорах Закарпатья	123

ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>М.М. Макарец</i> (Москва)	
Исследователь и информанты: конфликт ожиданий	
в полевой работе в Албании	131
<i>М.С. Морозова</i> (Санкт-Петербург)	
Парадокс исследователя на Балканах:	
переключение кодов у билингвальных информантов	
при интервьюировании	137
<i>А.А. Новик</i> (Санкт-Петербург)	
Арбнеши Задара (Хорватия): взгляд изнутри и извне	144
<i>А.С. Дугушина</i> (Санкт-Петербург)	
«Женские» темы в этнографии Балкан: нужно ли	
быть «своим», чтобы говорить об интимном	149
<i>Д.В. Конёр</i> (Санкт-Петербург)	
<i>Ni, şi ni, şi ni, şi ni</i> : один «женский» текст	
из с. Карашево	153
<i>К.А. Климова</i> (Москва)	
Нарративы о происхождении Дарнашских сел	
в представлении местного греческого населения	161
<i>К.П. Трофимова</i> (Москва)	
Отчужденный «свой»: позиция маргинального	
наблюдателя в сообществе цыган-мусульман	
Македонии	164
<i>Н.Г. Голант</i> (Санкт-Петербург)	
Об употреблении румынского языка	
в общении между супругами в смешанном браке	
(лингвистические наблюдения дилетанта)	168

ТЕКСТ И СЛОВАРЬ БАЛКАНСКОГО ГОРОДА

<i>Johanna Virkkula</i> (Helsinki)	
Use of letters in Sarajevo	173
<i>Д.С. Ермолин</i> (Санкт-Петербург)	
Комшилуk в Приштине: балканское соседство и(ли) юго-ностальгия?	180
<i>Анастасия Романова</i> (Кишинев)	
Смена годонимов / смена культурных парадигм: Кишинев 1989–2017 гг.	185
<i>И.Е. Иванова</i> (Москва)	
«Тишина» балканского дома и города в «Травницкой хронике» И. Андрича	191

VARIA BALCANICA

<i>Н.С. Гусев</i> (Москва)	
Русские журналисты на Балканах в 1912–1913 гг.: в попытках разглядеть современные европейские государства	197
<i>Н.В. Злыднева</i> (Москва)	
Свое-чужое сквозь призму чужого-своего в травелогe М. Крлежи и его параллели	202
<i>Zmago Šmitek</i> (Ljubljana)	
Balkanski junak s tisoč obrazi, ki niso samo balkanski	204
<i>Ирина Антанасиевич</i> (Белград)	
Балканское vs. советское: русский взгляд (заметки на югославских плакатах периода оккупации)	211
<i>Victor Friedman</i> (Chicago)	
Self and other (свой и чужой) in the Macedonian ‘bombs’ of 2015	216
<i>Т.А. Михайлова, М.П. Одесский</i> (Москва)	
Залесье и Синегория: образ Балкан в творчестве Брэма Стокера	230
<i>Денс Диминьш</i> (Рейкьявик / Рига)	
Колониальный дискурс в романе Милена Рускова «Възвишение» – переводческие стратегии (на материале болгарского оригинала и латышского и албанского перевода)	235

<i>Ф.А. Елосева</i> (Санкт-Петербург)	
От балканского травелога к балканскому тезаурусу.	
Путешествие в ад у Исмaиля Кадаре и оппозиция свой / чужой у Георгия Иоанну	242
<i>Т.В. Цивьян</i> (Москва)	
От балканского травелога к балканской лингвистике ...	245

ПРИЛОЖЕНИЕ

Татьяна Владимировна Цивьян.	
Избранная библиография по балканистике за 2007–2016 гг.	251